Новиков Евгений

16+

Высота Безымянная

Евгений Витальевич Новиков
Высота Безымянная

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49893854
SelfPub; 2020

Аннотация

Отзыв с конкурса "Соцветие – 2020" писателя Грошева-Дворкина ЕН : "Передо мной лежит стопка распечатанных листов этого рассказа. Но, почему-то, не отважиться мне вновь перелистать страницы и вчитаться в содержание. Решимости не хватает окунуться в тот бой, в котором участвовали красноармейцы и командиры первой роты Козалинского со своим политруком Руденко. Это был бой 'не ради славы – ради жизни на земле'. Жизни людей, которым чтобы жить надо было эвакуироваться из осаждённого Ленинграда. Эвакуироваться через не замёрзшую ещё Ладогу. Ладогу, которую потом назовут 'Дорогой жизни'. Вот ради этой жизни и произошёл бой за высоту Безымянную с финским подразделением её оседлавшим. Вот этот бой и описан в рассказе. Но как описан! Как описан!! Описан так, что перечитать рассказ не хватает решимости. Нет у меня слов, чтобы дать ему оценку. Но представить себя в рядах тех красноармейцев не могу. Могу сказать только, что ни каждый из нас способен на такое – описать бой будто сам в нём участвовал."

На совещании в штабе присутствовали командир 14-го мотострелкового полка 21-й мотострелковой дивизии войск Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), майор Воробьев, командир 1 роты Козалинский, политрук Руденко и командир первого взвода. Начал командир полка:

– Товарищи командиры! Ваши предложения? Как высоту брать будем?

– Товарищ майор! Противник, численностью до роты закрепился на высоте близ Хийтолы. К станции пока не продвигаются – ждут подкрепления и, по нашим данным, должны подтянуть минометы. На спуске с высоты остатки второй роты. Ночью финны в атаку, скорее всего, не пойдут. Вот с этого леса и предлагаю пойти на штурм после заката, – взял слово командир роты.

– Руденко, что думаешь? Ты у нас с финнами много лет знаком, не первый год воюешь…

– Товарищ майор, думаю, финны постараются возле высоты посадить кукушек – метких стрелков, чтоб подступы к высоте были под постоянным контролем. В первую очередь, они обезопасят себя, только потом будут думать о наступлении. Предлагаю отдельно от роты выдвинуть дозор, на значительном удалении. Я готов сам с ними пойти. Есть несколько смышленых бойцов в роте. Постараемся подойти максимально близко к высоте, обеспечим контакт с остатками второй роты, потом рассредоточим нашу роту на возможную ширину атаки и перед закатом ударим. Бойцы штурмовать

обучены – пулемет оставим в лесополосе, он накрывать позиции оттуда будет.

– Нас еще на подступах срежут!

– С нашей стороны на высоте склон достаточно крутой, камней и валунов не много, финны могут засады поставить в лесу и расстреливать атакующих в спину, либо укрепления на самой высотке. Но у нас есть небольшое преимущество – как только подойдем к склону, удерживать его станет сложно. Чтобы им видеть атакующих – придется свешиваться с укреплений и из-за бруствера, а пулемет как раз и будет накрывать эти укрепления. То есть пулеметчик будет не прицельно бить по противнику, а по позициям и чуть выше, чтоб финны не высовывались лишний раз. Плюс атакующие так же стрелять будут.

Когда пули без умолку свистят над головой – не очень-то и высунешься. Но и пулеметчику надо наших бойцов видеть, чтоб своих не накрыть, поэтому атаку надо начать до заката. А как подойдем вплотную, так и в штыковую – финны ее как огня боятся. Там уже преимущество на нашей стороне будет.

– Взять мало. Нет у меня подкрепления, чтоб вас усилить. Сутки еще продержать высоту надо… Раньше ничего выделить не смогу. Осилишь, Козалинский?

– Так точно, товарищ майор!

– План Руденко одобряю. Разумно. Действуйте! Политрук, выступи перед бойцами, чтоб за душу взяло…

– Им и без выступлений тяжело… Пообщаюсь, товарищ

майор… Возьмем высоту, не переживайте…

– Товарищи пограничники! Сегодня мы выдвинемся снова к Хийтоле. Финны подавили сопротивление второй роты и взяли высоту под свой контроль. Силами нашей роты необходимо опрокинуть противника и удержать высоту до подхода подкрепления, – политрук встал. – Да, нас осталось 30 человек. Да, задача кажется невыполнимой. Но подумайте о другом – каждый день через Ладогу успевает переправиться порядка тысячи человек. Наших жен, матерей, детей. Возьмут финны Хийтолу и перекроют им возможность выбраться. На день их задержим – еще тысяча человек успеет спастись. На два – две тысячи. Я понимаю, что устали, больше месяца непрерывных боев. Враг уже у Киева, у Смоленска, а мы держимся. Как можем держимся. И еще надо продержаться. Сколько сможем.

Красноармейцы не смотрели на Руденко, потупили взоры, каждый о своем думал. У многих окровавленные бинты на руках, головах, ногах. Взгляд остекленелый. Будто не под ноги смотрят, а куда-то вглубь земли. У каждого свои мысли. Здесь и те, кто с конца июня пришел с первым отрядом, встретив финнов в паре десятков километров отсюда, возле границы. И те, кого привезли несколько недель назад, как пополнение. Пополнения этого было больше ста человек. Осталось меньше десятка.

Рота? Сейчас они с трудом дотягивали до взвода. Тридцать человек, включая командиров. Обратись к ним кто-либо другой, может, и взбрыкнул бы кто, но это РУДЕНКО!!!! Финскую прошел. Здесь с первых дней. Во все атаки первым идет, даже не в первых рядах, нет, а именно первым. Стыдно такому сказать, что смертельно устал, что есть хочется, что ранен. За спиной такого политрука и в огонь, и в воду пойдут.

На его личном счету 12 «кукушек» – финских метких стрелков. Располагаются они, обычно, в засаде на дереве. Красноармейцы привыкли смотреть вниз, на уровне своего роста, а в зарослях противника высмотреть практически невозможно. Даже когда огонь открывает – непонятно, откуда стреляет. Подпускает поближе, а то и, вообще, мимо себя пропустит, потом выстрел… Смотри – не смотри, не поймешь откуда. Только начнут бойцы перемещаться – снова выстрел… А Руденко их вычисляет. Поначалу думали случайно заметил, ан нет, высматривает он их. Заранее высматривает. Большинство снял еще до первого выстрела…

Руденко помолчал немного и продолжил:

– Товарищи! Мы – пограничники! Чекисты! Нам Родина доверила беречь границу от супостата. И наша граница – Хийтола. А Родина наша – это матери, жены, дочери и сыновья, которые смотрят на нас и ждут защиты. Переправляясь через Ладогу ждут, под Луганском, под Одессой, под Ленин-

градом и Москвой. Отправляя сынов своих навстречу немцам, финнам, румынам и прочей нечисти, отдавая последний кусок хлеба красноармейцу, в поле, у станков и печей ждут… Не для бравурных речей собрал я вас, товарищи… Не об этом сейчас речь, сами все прекрасно знаете…. Надо взять высоту во что бы то ни стало. Просто надо. Выдвигаемся через полтора часа. Привести в порядок снаряжение и обмундирование. Санинструктор?

– Я! Санинструктор Кокорин!

– Всего в достатке?

– Так точно!

– Возьми бинтов побольше, сеча та еще предстоит…

– Есть!

– Мусатов!

– Я! – отозвался пулеметчик

– Со мной пойдешь, в дозоре, бери второго номера и пару разведчиков. Мы раньше выдвинемся, надо по лесочку пошукать, дабы потом не оборачиваться…

– Есть! – загорелись глаза у пулеметчика. Будто искорка во взоре появилась и мгновенно вспыхнула.

Исполняющий обязанности командира роты старший лейтенант Козалинский подполз к лежащему Реденко и шёпотом спросил:

– Ну что тут, Николай Матвеевич?

– Как и говорил, поставили они «кукушек», троих сняли,

больше не обнаружил. Саврасенко ранен, успели его заметить и подстрелить. Тяжелый. Пусть санитар займется.

– Уже занимается, видел.

– Финны на выстрелы переполошились, но спускаться не стали, побоялись. Пулеметчика в низине положил, оттуда отлично все простреливается. У них пулеметов не обнаружили, да и не видно их особо, пару человек только мелькали. Хорошо спрятались. Один с автоматом вон за тем валуном лежит, его перед атакой сам сниму. Давай как договаривались, старлей, расположи людей пошире и по команде бегом к высоте. Здесь скорость имеет решающее значение. Как под высотку забежим, оттуда проще будет. Стрелять на ходу. Прицельно не получится, примерно, навскидку по позициям, объясни бойцам. Главное – чтоб финны не высунулись лишний раз. В окопах аккуратнее, своих не постреляйте. И сам на рожон не лезь. Ты уже четвертый командир в первой роте за этот месяц…

– Из второй роты нашли кого?

– Нет. Может, ушли, может на шум боя подтянутся.

– Начинаем по ракете?

– Зачем? Пулеметчик начнет – и сразу в атаку, чтоб все пошли. Пару-тройку секунд выиграем, а это лишние метры. Вот кто отстанет – их и заметят первыми, тут всего-то полторы сотни метров…

Спустя тридцать минут все были на местах. На холме,

иногда, появлялись финские бойцы, пытавшиеся рассмотреть, что происходит в лесу. По ним никто не стрелял, но, наученные горьким опытом, скрывались достаточно быстро. Август богат растительностью. Скрывает передвижения, стоит лишь отойти в лес на пару десятков метров. Поэтому рассмотреть что-либо в лесу было практически нереально.

Пулеметчик Мусатов лежал в небольшой ложбинке. Удачное место – ему видно вершину холма великолепно, сам же скрыт от посторонних глаз кустами и ветвями раскинувшейся рядом сосны. Ели уловимый шум раздался практически у его ног, резко обернулся – политрук:

– Тихо, тихо, Мусатов, не дергайся. – Руденко заполз в его ложбинку и, подняв бинокль, стал осматривать позиции, – готов?

– Так точно, товарищ политрук!

– Вот и славненько, тебе начинать карусель. Смотри, за валуном лежит один с автоматом, первым стреляю я, по нему, ты начинаешь накрывать вон тот бруствер – ветки на нем свежие, значит точно обитаем… Сколько дисков заряжено?

– Четыре. Все, что было.

– Короткими очередями по укреплениям бей. Не надо прицеливаться долго и высматривать противника. Твоя задача – чтоб ни одна зараза не выглянула из-за укрытий, пока мы перемещаемся. Накроешь их – и мы живые добежим… Не будут они высовываться, когда пули над головой свистят. Но только короткими. Четыре диска надолго не хватит. Пер-

вый разрядил, второй номер уже забивать его начал. Все ясно?

– Так точно!

– Ждем еще десять минут и начнем.

Спустя несколько минут политрук перекрестился, осмотрел еще раз позиции противника через бинокль, вскинул свою старую добрую «Мосинку», и затих. Рядом Мусатов, прильнув к прицелу «Дегтяря», левой рукой смахнул со лба капельки пота.

Выстрел… Еще один… И застрочил пулемет…

Со всех сторон раздались одиночные выстрелы.

– С Богом – прошептал Руденко и, вскочив, со всех ног побежал к высоте, не перекрывая траекторию стрельбы пулемета.

Секунда, вторая… выстрел, еще пару секунд. Вот начинают раздаваться ответные выстрелы с финских укреплений. Одиночные, редкие… Еще секунда. Справа за шумом пулемета слышны выстрелы винтовок, стреляют наши, правильно поняли, да и не впервой уже. У подножия небольшой валун. Упал за него Руденко, посмотрел по сторонам – справа и слева подбегают бойцы к холму. Кто-то так же залег. Пару секунд, отдышался.

– Урррра!!!! – раздался справа голос командира роты.

– Ураааа!!! – подхватил еще один. И еще…. И еще…

Полезли на холм. У кого-то примкнут штык, кто-то в руке держит, кто-то на ходу пытается прицелиться. Редкие оди-

ночные выстрелы атакующих, еще более редкие выстрелы в ответ…

Смолк пулемет. Только не сейчас… Да, это уже вторая пауза, первую слух уловил, но в горячке перемещения не придал ей значения. Ответные выстрелы с финских позиций стали громыхать все чаще… И снова пошел треск пулемета. Диск менял. Живой…

Вот первый боец навис над бруствером и тут же упал, будто скошенный очередью из окопа. Слева снова раздалось «Ураааа!», Руденко повернул голову и увидел, как пару бойцов запрыгнули в окоп.

Быстрее, быстрее, дыхание сбилось… Вот он, окоп. Прижатый к дальней стенке сидит парень, лет 18, выстрел из ТТ, схватился за живот мальчишка… Спрыгнул в окоп, справа движение – еще один пытается поднять винтовку, но неудобно делать это в узком окопе, ствол уперся в землю. Выстрел и подкосились его ноги. С обратной стороны окопа на политрука навалился финн, рослый, здоровый, прижал руку с пистолетом к земле, другой рукой пытается за горло схватить. Вдруг тело этого гиганта стало мягким и упал на Руденко всем своим весом. Отбросил его кто-то в сторону «Товарищ политрук, живы?»

– Жив, жив… не дождетесь. Давай, продвигаемся дальше.

Давно смолк пулемет. Одиночные выстрелы, иногда короткая очередь из финского пистолета-пулемета «Суоми», мат финский и русский, иногда одновременно, вперемеш-

ку, иногда по очереди, звуки ударов приклада, стоны, стоны, стоны… Рукопашный бой не знает жалости.

– Бегут! Бегут! – раздалось на левом фланге.

И снова винтовочные выстрелы вслед убегающим финнам. И тут же, с другой стороны, побежали. Вот уже из-за валунов с другой стороны холма вскочили несколько человек и припустили – видно, оставляли их там тыл прикрывать, опасались обходных маневров.

– Товарищ политрук! Командир убит!

– Санитар!

– Перевязывает раненых.

– Соберите раненых в лесу, там полянка есть, пусть санитар занимается. Выделите пару человек ему в помощь. Комвзвода живой?

– Так точно!

Спустя пару минут подбежал командир взвода, начал поднимать руку для доклада, но Руденко его жестом остановил:

– Давай сразу к делу, нечего здесь раскланиваться!

– Старший лейтенант Козалинский тяжело ранен. По вашему приказу раненых начали относить в лес.

– Ранен – не убит, уже хорошо. Потери?

– Семеро убиты, двенадцать ранены. Товарищ политрук, вы ранены? У вас кровь на плече.

– Ерунда, зацепило немного. Десять человек… Десять… Горстка… Смотри, лейтенант, сейчас финны обратно полезут. Постараются нахрапом взять. С этой стороны холма

много расщелин и камней. Расположи бойцов за ними. Не подпускайте их к подножию. Из леса выпустим, они в чистом поле будут и расстояние до нас не меньше трехсот метров. Дай им в поле выйти, подпускай поближе и открывайте огонь. Вон там поставь пулемет. Мусатов жив?

–Так точно. Мы как в окопы запрыгнули, и он побежал. Как финны драпанули, как раз им в спину пару дисков опустошить успел.

– Молодец Мусатов. Не сомневался в нем. Нам бы таких пулеметчиков еще парочку и уже б Хельсинки штурмовали, – улыбнулся в усы Руденко, – ну, так вот, не дай финнам повторить наш кавалерийский наскок – не подпусти их к холму. Уже темнеть начинает, эту атаку собьем и ночью вряд ли полезут – попробуют перегруппироваться. А с утра с новыми силами и встретим.

В этих широтах ночь наступает практически мгновенно. Вот только брезжил закат и тут же тьма. Лишь месяц иногда выглядывает среди туч, освещая пространство перед холмом.

– Товарищ политрук! Санинструктор Кокорин. Комвзвода сказал, что вы ранены…

– Уже перевязали. Что у тебя?

– Восемь человек погибло. Командир роты тяжело ранен. Еще пять тяжелых.

– А остальные? Мне докладывали про двенадцать ране-

ных

– Остальные в строй вернулись. Я им запрещал, но даже слушать никто не захотел. У Белькевича обе ноги прострелены, а все одно – пусти санитар, я и лежа повоюю…

– Возьми четырех бойцов, раненых надо к нашим отнести. Больше не могу выделить, нас тут, и так, раз – два и обчелся… Командиру взвода скажу, чтоб погибших похоронил, не дождутся они похоронной команды, чтоб с почестями.

– Там еще два десятка погибших, из второй роты. Бойцы их с нашими положили.

– Вот всех и похороним. Финны ночью не полезут. Подкрепления дожидаться будут.

– Товарищ политрук! – Подошел практически бесшумно взводный

– Лейтенант, что по вечерней атаке? Без потерь?

– У нас без потерь. Амилахори немного зацепило шальной пулей. Но он даже на перевязку не пошел. Их полтора десятка выбили. И при штурме пару десятков. Пленных нет, – чуть помедлив сказал лейтенант

– На нет и суда нет. Выставь дозоры, обеспечь, чтоб все отдохнуть успели. Раненые в первую очередь. Четыре человека санинструктору в помощь. Надо раненых в расположение доставить. Еще парочку – похоронить ребят. Мусатова на позиции оставь. Я к нему пойду, подменю, если что, пусть тоже немного отдохнет.

– Товарищ политрук! Тут такое дело… Бойцы интересу-

ются… Просили спросить…

– Да не жмись, лейтенант, что ты конопатишься?

– Правда, что вы еще трех «кукушек» сняли?

– Нашел время слухи собирать. Как бабка базарная, честное слов. Правда. А они что, считают за мной?

– Так точно. Говорят, уже пятнадцать на вашем счету. Как легенду передают вновь прибывшим ваш «птичий счет»

– В эту войну да, пятнадцать… Давай, лейтенант, расставляй людей. В четыре часа ко мне. Будем планы строить на день грядущий.

Через несколько минут Руденко был на позиции Мусатова.

– Товарищ политрук!

– Тихо-тихо. Всех финнов переполошишь. Что у тебя?

– Тихо пока. Дали им прикурить. На закате в атаку шли с оглядкой назад, вроде и идут на нас, а сами по сторонам смотрят. Подпустили поближе, дали короткими, они и побежали.

– Да видел – видел. Я только пару раз выстрелить успел, – улыбнулся политрук, – завтра новых подвезут, свежих, с чистыми подштанниками. Что по боекомплекту?

– Так, почти, и не стрелял. Дисков семь-восемь пока только выпустил.

– Это хорошо. Вот что, боец, давай-ка поспи вместе со вторым номером пару часов. Кстати, как твоя фамилия-то?

– Красноармеец Калатозов, товарищ политрук!

– Ну, вот и подремлите пару часиков с Калатозовым. Я подежурю. А потом и я пару часов прикорну.

– Товарищ политрук! Мы друг друга сменим, поспите нормально

– Да я пока все равно не усну. Завтра день тяжелый будет. Отдыхайте.

– Ну что, лейтенант, имеем в сухом остатке?

– Пятнадцать бойцов. Тяжелораненых успели отнести. Погибших похоронили.

– Ну, слушай, что думаю… Командир полка обещал подмогу к сегодняшнему вечеру. Держаться нам весь день здесь надо. Во что бы то ни стало. Пока минометы не подвезут – шансы есть. Место здесь хорошее. Главное на высотку их не пустить. Здесь могут численностью взять. Вот пока они в поле – можно поиграть. Пару человек отправь в лес, раненых, пусть спину нам прикрывают. Обойти нас тяжело, но вдруг попробуют. Еще пару человек положи под холмом. Они включаются только если финны поле преодолеют и побегут в атаку. К этому моменту они будут вверх смотреть, на высотку, а у себя под ногами бойцов не заметят. Только пусть позиции хорошенько замаскируют. Землю на бруствер не срезанной травой накрыть, а вместе с дерном, посвежее выглядеть будет, пожухнуть не успеет, не так в глаза бросится. У финнов охотников много, глазастые. На вершине хол-

ма сам оставайся и с тобой пару человек. Остальных за валуны. И позиции менять постоянно. Выстрел сделали, перекатились, второй выстрел с другого места.

Противника подпускайте поближе. Издалека стрелять – смысла нет, все равно вряд ли попадете, только себя обнаружите. Пулемет здесь оставь. Хорошее место, я с ним буду.

– Товарищ политрук! Красноармеец Белькевич имеет ранения обоих ног, с ранеными уходить отказался. Просит перенести его к валунам, пониже.

– У него деревня под немцами с первых дней войны. От них ни слуху, ни духу. Вот честно, лейтенант, я его понимаю. Определи куда просит. Только объясни, что не время свою жизнь по мелочам разменивать. Пусть стреляет только наверняка, прицельно. Вот они – богатыри, лейтенант. Мы про таких только в книжках читали, однако же, с нами здесь на одной высоте сидят, безымянной…

– Он после ранения успел напрыгнуть на одного финна, тот выстрелил в упор ему в ногу, но Белькевич его голыми руками задушил.

– Я и говорю – богатыри. Давай, лейтенант, расставляй людей.

Рассветало. Легкая дымка тумана парила над травой.

– Идут. Слышь, птицы закричали?

– Не переживайте, товарищ политрук, встретим.

– Да я и не переживаю.

Вот вдалеке показалось несколько серых мундиров. Справа, слева, еще, еще…

– Да сколько же их? – раздался дрожащий голос рядом

– Нам хватит, Калатозов, не переживай.

Кровь запульсировала так, что отдавалось в висках… Еще, еще, еще, выходят и выходят. Чуть пригнувшись идут, цепью.

– Тихо, Мусатов, не торопись. Пусть подходят…

Прошли метров пятьдесят, вскинули винтовки, прицелились. Офицер что-то прокричал, раздались несколько выстрелов с их стороны

– Не дергаться, не дергаться, не видят они нас, не могут видеть, стреляют, чтоб мы себя выдали…

Нет ответа на финские выстрелы. Еще несколько выстрелов. Руденко прицелился в офицера. Еще немного. У финнов застрочил пулемет по нашим позициям, Ба!!! Да это ж «Дегтярь»! Политрук всмотрелся – вот он, пулеметчик, лежит, красавец. Головой крутит, пытается хоть кого-то рассмотреть… Пулеметчик сейчас важнее офицера. Пора, дальше будет поздно. Выстрел. Пулеметчик притих. Рядом включился пулемет Мусатова. Со всех сторон стали раздаваться одиночные прицельные выстрелы. Финны залегли. Пытаются стрелять в ответ – да куда? Не видят наших бойцов. Вот мелькнул кто-то, выстрелили, но нет там уже никого, а в ответ очередь с пулемета и обмяк финн.

Руденко еще раз выстрелил. Есть, офицер. Но снова вклю-

чился «Дегтярь» у противника, сменили пулеметчика. И пули засвистели прямо над позицией Руденко – по Мусатову метит, зараза. Выстрел – и этот убит.

А финны ползут, в сторону наших позиций ползут. Трава высокая, видно их плохо. Сверху раздались несколько выстрелов – ну да, это нам плохо видно, а вот с высотки – вполне так, хорошие мишени. Вскочил один, побежал назад, тут же догнала его пуля, будто споткнувшись упал.

Назад отползают. Затарахтел пистолет-пулемет с их стороны. Еще несколько выстрелов – смолк. Отползают, вот еще несколько человек назад побежали. И еще, и еще… Отступают!!!

Спустя двадцать минут Руденко поднялся к командиру взвода.

– Докладывай, лейтенант!

– Двое убиты, еще двое ранены.

– Значит, все-таки прицельно финны били… Охотники прирожденные.

– Товарищ лейтенант, еще один раненый, Кокорин перевязывает., – раздался голос бойца за бруствером

– Итого десять…. И двое в тыловом охранении… Восемь. Не густо. У финнов что?

– До четырех десятков в поле осталось, но большая часть ушла

– Хорошо. Со вчерашними почти пол роты их здесь оставили… Я по позициям пройду, с бойцами пообщаюсь, на-

блюдай, лейтенант. План тот же.

За холмом санинструктор перевязывал раненых. Руденко подошел к нему:

– Кокорин, как успехи?

– Трое раненых, товарищ политрук. Один без сознания, еще один тяжелый, у третьего плечо. С плечом, вот, обратно просится, на позицию. Тяжелый тоже просится, но он и говорить-то может с трудом, куда ему воевать…

– Боец, ты правша?

– Так точно, товарищ политрук!

– Так куда тебе на позицию, с простреленным-то правым плечом?

– Да хоть с гранатой, товарищ политрук! С левой приноровлюсь стрелять. Ну, не могу лежать, лучше б убили, чем вот так – мужики гибнут, а я здесь с царапиной отлеживаюсь… Что я, баба, от каждой царапины в кусты бежать?

– Прохоров, верно?

– Так точно, товарищ политрук! Я ж в роте с конца июня, уже был ранен легко, ротный разрешил остаться, да на мне как на собаке, мгновенно все зарастает, глазом моргнуть не успеете…

– Держи, Прохоров. Парабеллум. У финского офицера вчера затрофеили. Специально для тебя хранил, – улыбнулся Руденко

– Спасибо, товарищ политрук!

– Да за что спасибо-то? Это тебе спасибо, красноармеец.

И от меня лично и от всей нашей роты.

– Товарищ политрук! – обратился к Руденко Кокорин – разрешите и мне в строй? Нас мало осталось, совсем ничего. Раненые перевязаны. Лишний ствол не повредит.

– Нет, Кокорин! Вот тебе никак нельзя. У тебя миссия святая. Ты нам надежду даешь на жизнь. Знаешь, Кокорин, в бою первым берегут командира, вторым радиста, а третьим санитара. Командира не сберегли, радиста у нас нет, только ты и остался, – улыбнулся Руденко – и сберечь тебя необходимо, ты наша надежда выбраться отсюда живыми.

На дне окопа сидел командир взвода с одним из бойцом, курили.

– Уж полдень близится, а финнов-то все нет, лейтенант, – раздался сверху голос Руденко, заползающего в окоп – о чем это говорит?

– Ни о чем хорошем, товарищ политрук…

– А ты философ, лейтенант, хотя не могу не согласиться. Ждут они чего-то или кого-то. Перекусить успели?

– Так точно!

– Подскажи, где Белькевич? Пойду к нему наведаюсь. Уж очень мне хочется с богатырем нашим пообщаться

– Вон за тем валуном

Руденко выглянул из окопа в направлении места, на которое показывал взводный:

– Идут, приготовиться!

Замполит ужом юркнул из окопа и стал переползать в сторону позиции Мусатова, вглядываясь вперед, в сторону вражеского леса. «Ба, да сколько же их?»

Спустя пару минут, тяжело дыша, он сместился к пулеметчику:

– Мусатов, сколько насчитал?

– Под сотню…

Пройдя порядка сотни метров, финский офицер что-то закричал, и противник побежал на наши позиции, пытаясь стрелять на ходу.

– Давай, Мусатов, поливай!!!

Длинной очередью пулемет прошелся вдоль цепи. Кто-то упал, кто-то стал оборачиваться по сторонам, кто-то продолжал бежать, несколько человек встали на колено и стали целиться. Вокруг затрещали винтовочные выстрелы, раздался звон от попадания пуль по камням, свист от пролетающей рядом смерти. Руденко выстрелил. Еще выстрел. Еще. Финский офицер снова что-то прокричал и снова поднялся противник, побежал вперед.

Мусатов примкнул очередной диск и снова затрещал пулемет, но бегут, бегут, будто поняли, что под холмом, среди камней и валунов ждет их спасение. Смолк пулемет. Руденко повернул голову – лежит Калатозов, пулеметчик крутит головой в поисках заряженного диска. Нашел, примкнул. Снова застрочил. Руденко выстрелил. Есть. Упал офицер. А до холма все ближе.

Взрыв. Еще один. Еще. Прямо под холмом. Бойцы, лежавшие в засаде, внизу, кинули несколько гранат. Снова смолк пулемет. «Последний диск» – подумал Руденко. Первые финны, тем временем уже скрылись за валунами. Еще взрыв – на позиции Белькевича, рядом с валунами, за которые забежали первые атакующие. Винтовочные выстрелы не умолкают. Все, они уже начали подъем на высоту, дальше будет поздно…

– Рота! Примкнуть штыки! В атаку! Вперед! – что есть мочи заорал Руденко.

Первым выскочил из укрытия и бросился вниз.

– Ура! – раздался справа одинокий голос

– Ура! – раздались пару голосов слева

Вот он, за валуном лежит, целится. Полетела граната. Взрыв раздался практически одновременно с выстрелом. Сверху застрочил вновь пулемет. Успел дозарядиться Мусатов. Короткими бьет.

Впереди окоп, видно вторая рота готовила, в нем два финна, смотрят налево, целятся. Один успел выстрелить, но и Руденко уже добежал. Как снег на голову обрушился на них. Первого вырубил прикладом, практически с лета, повернулся, вот второй начинает поворачиваться. Будто замедлилось все вокруг. Удар ногой в живот финну. И практически мгновенно втыкает ему в горло нож. Перед глазами все побелело. Голова закружилась. Плечо горело так, будто прижгли чем. Когда только успело зацепить? Нет времени разбирать-

ся, чуть ниже еще один, Руденко вскинул винтовку, практически не целясь выстрелил. Есть, попал.

Справа от Руденко в таком же окопе взводный заколол еще одного штыком. Еще пара слегла от пулемета Мусатова. Побежали финны. Побежали!!!

Снарядил очередной магазин. Выстрел. Выстрел. Еще один захватчик остался лежать на подступах к безымянной высоте.

Спустя двадцать минут, Руденко поднялся на холм. Боль пронизывала все тело. Голова кружилась. Левой руки практически не чувствовал. Там, внизу, один из красноармейцев перевязал плечо, но повязка уже пропиталась насквозь кровью.

– Где взводный?

– Убит, товарищ политрук.

– Боец, срочно, уточни потери.

Из окопа выполз один из красноармейцев и пригнувшись устремился вниз.

– Как же вы взводного-то не уберегли?

– Товарищ политрук, вы закричали «В атаку!» он и побежал. Сразу, без раздумий. Я за ним. Успел он одного заколоть, еще двоих застрелил… Там и погиб, на склоне.

– Цыкин, верно?

– Так точно, – отозвался пограничник, перевязывающий себе ногу.

– Давай помогу. Санитар где?

– Тяжелых перевязывает.

Спустя десять минут к ним подошел красноармеец:

– Товарищ политрук, разрешите доложить?

– Давай.

– Четверо убито. В строю семь человек. Из леса, те, что были в тыловом прикрытии, как услышали, что мы в штыки пошли – прибежали. Плюс еще один из леса пришел, со второй роты.

– Лесного жителя ко мне. Посмотрим, что за гусь. Мусатов жив?

– Так точно

– Белькевич?

– Погиб. Гранатой подорвал себя и троих финнов.

– Я на позицию к Мусатову. Раненых чтоб всех Кокорин осмотрел. Это приказ. Снаряжайте магазины, богатыри!

Спустя пару минут Руденко подошел к пулеметчику. Тот снаряжал диски.

– Мусатов, как Калатозов?

– Убит. Поначалу хрипел, пытался сказать что-то, да я не слушал, и не услышал бы… Отнесли его ребята к остальным погибшим.

– Земля пухом.

Минуту помолчали

– Николай Матвеевич, пару дней назад письмо родным написал, отправить не успел, если что – отошлете?

– Вряд ли. Не выдержим мы следующую атаку, Мусатов. Некем больше. Семь человек в строю.

– Вы выживете, – улыбнулся Мусатов

– Это почему еще?

– Заговоренный вы. Вас пули облетают.

– Облетают, да не все. Некоторые не знают, что облетать должны, – улыбнулся Руденко, – пуля – дура.

– Ну, а коли жить нам осталось шиш да маленько, закурить не будет, Николай Матвеевич?

– Держи. Ты лучше о другом думай. Сколько их сейчас в атаку шло? Рота? Почти две сотни штыков. А нас десяток был. И устояли. Не прогнулись. Мы с вечера приголубили не меньше полутора сотен. А нас было-то тридцать человек. Красиво умираем. Хоть книжки пиши…

Спустя час, на позицию к Мусатову и Руденко подполз санитар.

– Кокорин, как раненые?

– Там только тяжелые остались. Кто без сознания, кто пошевелиться не может, остальные на позиции вернулись. Сказали Вас перевязать надо, вы ранены?

– Царапина. Жить буду. – Руденко попробовал пошевелить рукой, боль будто прожгла все тело.

– Вот что, Кокорин… Помнишь ручей, через который мы сюда перебирались?

– Так точно.

– Давай переноси тяжелых через ручей. Скоро финны обратно попрут, чего греха таить, вряд ли устоим. Раненых спасти надо. Финны вряд ли сразу в лес сунутся, а к вечеру командир полка обещал подмогу дать, там раненых наших и найдут, все равно через этот ручей перебираться будут. А мы попридержим супостатов сколько сможем.

–Но…

– Без всяких «но», санитар! Это приказ!

Что-то свистнуло впереди, в лесу и, практически тут же на склоне раздался взрыв и полетела вверх земля, вперемешку с камнями

– Ложись!

Еще взрыв. Теперь чуть выше.

– Идут, товарищ политрук, вон из леса выходят.

– Вижу, не стреляй пока

Еще разрыв. И еще, спустя несколько секунд.

– Один только миномет работает, но больно уж точно бьет зараза.

Еще разрыв, немного выше позиции. Спустя несколько секунд совсем рядом рвануло. Руденко упал. В ушах звон. Перед глазами снова пелена. И дикая боль огнем прокатилась по всему телу. Еще разрыв, в этот раз по вершине холма. Вот уже отчетливо видны финские шеренги. Быстро приближаются. Офицера не видно.

– Мусатов, давай!

Тишина в ответ. Повернул голову – лежит пулеметчик,

спину разворотило осколком. Руденко подполз, оттолкнул бездыханное тело в сторону, прильнул к пулемету. Дал длинную очередь по приближающейся серой шеренге. Ага, залегли. Сзади еще разрыв. Стали слышны одиночные винтовочные выстрелы. Пустой диск отбросил в сторону, схватил второй, примкнул, начал выцеливать пытающихся встать финнов. За спиной раздался характерный звук заряжания магазина, повернулся – Кокорин забивает диск.

«Вот же, зараза» – подумал Руденко и снова дал очередь по встающим финнам. Короткими очередями. За спиной еще разрыв. Берегут миномет финны, из леса накрывают. Второй диск опустел, следующий примкнул, боковым взглядом отметил, что первый уже снаряжен. Молодец, Кокорин.

Уже не так смело поднимаются. Но миномет не затихает. Последние разрывы на холме были. Знают, что там окопы. Сами вчера там большей частью находились. Продолжается бой. Вот вскочил финский солдат, прокричал что-то и стали подниматься остальные. «Молодцы, догадались офицера переодеть» – подумал Руденко и дал очередь по этому солдату, тот упал. То ли залег, то ли погиб, но финны поднялись и снова двинулись на штурм высотки. Еще одна длинная очередь. Пустой диск. Вокруг слышны винтовочные выстрелы, значит, держатся бойцы. Богатыри!

Снова длинная очередь. Залегли. До холма не больше 70 шагов. Теперь только длинными очередями. Иначе никак. Поползут, как только почувствуют, что под холмом их спа-

сение. Снова пустой диск. Кокорин уже протягивает новый и тут же начинает забивать следующий. Взрывы не умолкают. А с финской стороны стрельба все реже. И нет, не показалось, отходят, отползают в сторону спасительного леса. Руденко продолжил стрелять. Разрывы не прекращаются. Справа, совсем рядом снова раскат, полетела земля, вперемешку с камнями. Упал Руденко. Все тело ноет. Приоткрыл глаза – Кокорин его правую руку приподнял, бинт достает

– Диски забивай, санитар, не время сейчас перевязками заниматься, – снова прильнул к пулемету.

Да, отошли финны. Отошли!!! Выстояли. Продержались. Еще время выиграли. В ушах что-то звенит. Повернулся – Кокорин с бинтом, на голову показывает, говорит что-то. Еще разрыв, но уже не такой громкий, снова по вершине холма. И еще… И еще. Кокорин же голову перебинтовывает. А тело обжигает болью. Все тело, с головы до ног, будто горит оно в огне преисподней…

– Товарищи чекисты! Благодарю за службу. Приказываю всем выходить через лес в расположение полка. Кокорин старший. На себе выносите раненых. Я прикрываю.

– Товарищ политрук, разрешите с вами остаться, – обратился санитар, – диски снаряжать буду. Я не ранен. Бойцы сами дойдут

– Товарищ Кокорин. Приказы не обсуждаются. Раненых доведи! Кру-у-у-гом! Шагом марш!

Ни один боец не шевельнулся. Смотрят на него из-под лобья, злые, как черти.

– Братцы, раненых выведите, прошу вас. Не приказываю. Вас, на ногах, три человека осталось. Уходите. Я их придержу и к закату выползу. Меня пуля не берет, сами же знаете…

Поникнув, пограничники пошли к тяжелораненым. Руденко спустился за пулеметом. Поднял чуть повыше, к большому камню. Рядом с ним еще один, поменьше. Хорошая позиция. И сразу пару запасных. Продержусь сколько смогу. Голова буквально раскалывалась на части. Сходил за дисками. Собрал у погибших патроны и гранаты. Положил несколько гранат на основной позиции, с двух сторон от камня, несколько штук под соседними валунами, куда планировал переползать в ходе предстоящего боя.

Сколько времени им надо, чтоб до расположения дойти? Не успеет подмога. Но мужиков прикрою. Сколько смогу…

Голова кружится. То ли от потери крови, то ли от усталости, глаза буквально сами слипаются. Спустя мгновение, Руденко провалился в небытие – то ли потерял сознание, то ли уснул.

Сколько времени прошло неизвестно. На вершине холма снова грянул разрыв. Будто земля содрогнулась. Еще один. И до тела Руденко долетели комья земли. Открыл глаза. Идут. Снова идут. Еще разрыв. Теперь правее и выше. Перед глазами пелена, картинка будто плывет. Шеренгой идут, но сколь-

ко их – уже непонятно. Еще разрыв и снова накрыло землей. Пора. Дал очередь из пулемета по длинной шеренге.

Перекатился. Мозг заработал с утроенной энергией. Тело болит, но слушается. Выглянул с другой стороны холма. Снова очередь. Короткая. И еще одна. Пора уходить. По ложбинке переполз ко второму валуну. Еще очередь. Пара пуль звякнуло об камень, за которым несколько секунд назад был Руденко. Финны залегли. Спешить не буду. Еще пара попаданий пуль в камень. За спиной все так же разрывы. Утюжат окопы наверху.

Начинают подниматься – снова очередь. Диск пустой. В сторону. Еще один примкнул. Не поняли финны, откуда он стрелял. Но перекатиться чуть в сторону все равно необходимо. Короткая очередь и возвращается в обратном направлении. Залегли финны. А минометный обстрел продолжается. Чуть правее от окопов огонь перенесли. Лег, прицелился. Время на нас играет, пусть полежат.

– Товарищ политрук! Товарищ политрук! – раздался голос Кокорина

– Кокорин, баламошка! Какого черта вернулся?

Начинают подниматься финны. Очередь снова прижала их к земле. Снова смещается левее Руденко по ложбинке. Кокорин сверху к нему подползает. Винтовка в руке. Взгляд, будто заплаканный. Возле большого валуна встретились.

– Ты что здесь забыл, санитар?

– Я перевел раненых через ручей. И бегом назад. Разры-

вы услышал и припустил. Вдвоем всяк сподручнее, товарищ политрук!

– Вот же свалился на мою голову окаянный. Правее, видишь, камень большой? Давай по ложбинке за него. С одного места не больше одного выстрела. Тут же позицию меняешь. Я прикрою.

Пытаются подползти поближе финны. Взрывы не умолкают. Еще одна длинная очередь. Пустой диск. Последний примкнул Руденко. И тут же уполз с этого места. Заполз под небольшой куст и принялся пустой заряжать. Ползут, ползут сотиласы проклятущие. Еще короткая очередь. И еще одна. Чуть левее. Разрывы не прекращаются. Одна из мин разорвалась прямо перед валуном, где еще недавно были Руденко с Кокориным. Санитар выстрелил. И тут же еще. Смолк.

Руденко снова дал короткой очередью по подползающему финну. Собрался переползти дальше и увидел, как один вскочил и побежал в сторону холма. Пока перенаправлял пулемет, раздался выстрел Кокорина. Финн упал. Руденко дал еще одну небольшую очередь по уже лежащему финну. Разрыв где-то сверху. И тишина. Провалился Руденко в небытие.

Чувствует, бьет его кто-то по щекам, открыл голову – Кокорин. На лбу бинт, сползает на глаза, значит ранен, а санитар успел перевязать уже.

– Товарищ политрук! Вы ранены!

– Как тебя звать-то, Кокорин?

– Анатолий!

– А меня Николаем Матвеевичем кличут. Где финны?

– Вроде, отошли. Минами закидывать перестали. В поле несколько человек остались лежать. Я пока к вам переползал, стреляли. Но вперед не продвигаются.

– И то добре…

– Николай Матвеевич, не гоните отсюда, не уйду. Я единственный со всей роты цел, как я в глаза им буду смотреть, если без вас вернусь?

– Да куда ж я тебя теперь выгоню? У нас обратной дороги нет до заката – начнем наверх перемещаться – тут же убьют. Где пулемет?

– Нет его больше. Разрывом ствол покорежило.

– А вот это печально. Патроны есть?

– Так точно! Что делать будем, Николай Матвеевич? Без пулемета мы долго не продержимся.

– Приказ выполнять, – ответил Руденко, пододвигая к себе винтовку, – держаться до заката, ночью уйдем к своим, а потом продолжим воевать. А как выгоним всю нечисть с нашей земли – поедем с тобой ко мне, под Луганск. Дивчину тебе гарную сосватаю, – натянуто улыбнулся Руденко, – такой план устраивает?

– Так и у нас, в Боровичах девушки очень красивые

– Ну у вас я не был, может и так, хаить не буду, но наши видные, чернобровые…

Полежали молча, каждый думая о своем и вглядываясь

вниз. Не шевелятся финны. Может, уже и уползли обратно

– Давай на позицию. Только пониже ползи, чтоб не заметили. Нельзя мне тебя потерять, тебе еще наших девок с ума сводить.

Тихо. Хорошо. Голова раскалывается, но он привык уже к этой боли, не замечает ее. Надо сменить позицию, чуть правее еще один большой валун. За него и залягу.

Слева раздался выстрел – Кокорин кого-то заметил. Может, и почудилось. Совсем молодой, мальчишка еще. Не ушли. Вон, лежит, красавец, в ложбинке. Руденко вскинул винтовку, прицелился. Выстрел. Лежит. Попал-не попал – не понятно. Еще один выстрел, чтоб наверняка. Пригнулся и продолжил отползать. Возле валуна небольшая ямка. Заполз в нее и затих. Спустя несколько минут услышал шорохи за валуном. Не могут быть наши. Прислушался. Крадется кто-то. Сколько человек? Больше одного точно. Медленно достал гранату, приготовился.

Чуть ниже, с другой стороны камня пригнувшись приближались три финна. У одного из них в руках пулемет. Руденко отложил гранату в сторону. Стал наблюдать. Казалось, сердце выдаст его – уж больно громко и часто стучало. Заходят за валун с другой стороны. Затихли. Стали шептаться. Совещаются. Руденко резко подскочил, выпрыгнул на них из-за камня. Первого ударил прикладом в лицо. Изо всех сил. Еще шаг. Время снова будто замедлилось. Левой рукой вскидывает пистолет и стреляет во второго финна. Еще один вы-

стрел по нему же. Поворачивается в сторону третьего, тот упал на траву и судорожно пытается нащупать винтовку. Нажал на спуск – не последовал выстрел. Еще попытка – нет выстрела. Быстро разворачивает пистолет рукоятью и падает сверху на лежащего финна. Удар по голове пистолетом, еще, еще, еще. Повернулся – первый финн лежит, не шевелится, поднял мосинку, дослал патрон в патронник, – выстрелил в него.

А вот теперь можно жить. Есть ручной пулемет. Патронов не много. Но поживем. Повернул голову в сторону Кокорина, чтоб подозвать его – увидел, что к нему приближаются пять финнов. Тихо идут, хотя видят его – в плен, видимо решили взять. Из пулемета стрелять нельзя – можно Кокорина зацепить. Вскинул винтовку, прицелился, – выстрел. И бегом в его сторону. Кокорин повернулся на звук падающего тела, оттолкнулся от земли, скатился в ямку, а на месте, где он только что лежал в землю вошло сразу несколько пуль. Но и он не сплоховал, вскинул винтовку – выстрел. Попал! Осел один из финнов, оставшиеся присели. Руденко был уже сверху них, в прыжке налетел на одного, ударил прикладом. Рядом громыхнул еще один выстрел. Повернулся в сторону оставшегося финна, но тот успел выстрелить раньше. И тут же упал, скошенный ударом штыка Кокорина, налетевшего на него сверху. Кокорин достал штык из тела финна и еще яростнее воткнул в него же.

Повернулся – лежит Руденко. Подбежал к нему. Достал

бинт, начал перевязывать. Политрук приоткрыл глаза.

– Вот теперь, кажется, основательно зацепили, – тихо произнес он.

– Товарищ политрук, вам нельзя шевелиться. И разговаривать нельзя!

– Толь, есть у нас теперь пулемет. За тем валуном лежит. Отнеси меня туда.

Кокорин лег на спину, взял политрука за шиворот и медленно, с передышками, потащил по ложбинке. Спустя десять минут были на месте. Кокорин облокотился на камень. Отдышался. Руденко не приходил в сознание. Полил из фляжки ему на лицо. Политрук приоткрыл глаза. Попробовал пошевелиться, но острая боль будто сковала все тело и снова провалился в небытие.

Руденко очнулся от взрыва, прогремевшего чуть ниже по холму. Смеркалось. Еще разрыв, чуть левее. И еще. Финны снова принялись утюжить высотку минометами. Посмотрел вниз. Идут. Прицелился. Повязка сползла на глаза и мешала, но пошевелить лишний раз рукой было невыносимо больно. Дал короткую очередь. И еще одну. Залегли финны. Вот и славненько. Слева от себя услышал выстрел Кокорина. Молодец санитар, держится.

Финны снова начали вставать. Взрывы не замолкали. Еще один разрыв недалеко от позиции Кокорина. Короткая очередь. Идут. Теперь подлиннее, два человека упали, как под-

кошенные. Остальные снова залегли. Взрыв прямо за спиной Руденко. И снова тьма поглотила его сознание.

Очнулся спустя несколько минут от выстрела слева. Медленно повернул голову – несколько финнов подходили к позиции Кокорина. Сил не было пошевелиться. Один напрыгнул на него сверху, следом другой, звуки борьбы, рядом тут же возникли еще несколько человек и в тишине хриплый голос «Чекисты… – долгая пауза, казавшаяся вечностью… не сдаются!» и практически тут же разрыв гранаты, раскидавший вокруг несколько финнов. Руденко попытался повернуть пулемет в ту сторону, но, обожженный острой болью по всему телу, снова отключился.

Очнулся в кромешной тьме. Сверху, на холме были слышны одиночные выстрелы. Финны прочесывали высотку, стреляли во все, что казалось им подозрительным. Попытался поджать ноги. Боль отдалась во всем теле, но ноги послушались. Медленно пополз, практически после каждого движения замирая, чтоб хоть как-то отдышаться.

– Братцы, политрук первой роты! Руденко!

Бойцы сводной роты, идущие на штурм безымянной высоты, подойдя к ручью увидели его тело. Судя по следам – сам дополз. Уже рассвело и следы были отлично видны. Грязные бинты были на животе, на голове, на обеих руках. Лицо исцарапано и неестественного белого цвета. Первый подошедший пощупал пульс – опоздали. Геройски умер политрук.

К группе остановившихся подошел майор Воробьев, снял фуражку, сел рядом: «Прости, Николай Матвеевич, не успели… Мы отомстим. Обещаю!» Вокруг бойцы сняли каски и пилотки и стояли, думая каждый о своем. Многие знали Руденко. Легенды о нем передавались по полку из уст в уста. Геройский был командир.

– Михайлов! Выдели трех человек похоронить политрука. Здесь же, на берегу ручья. Остальным – вперед!

Красноармейцы выкопали могилу и сели перекурить возле тела Руденко. Затянулись махоркой. Молчали. Вдруг один подскочил:

– Политрук шевельнулся, живой!

– Да не может быть!

– Точно живой.

– Пульс ели-ели прощупывается, но есть

– В госпиталь его, бегом! И только попробуйте живым не донести – лично расстреляю!

Руденко Николаю Матвеевичу уже 26 августа 1941 года было присвоено звание Героя Советского Союза, с вручением Ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». В дальнейшем принимал участие в разведывательно-диверсионных операциях под Москвой, входил в состав группы, обеспечивающей безопасность Тегеранской конференции глав союзных держав. Участник Парада Победы 24 июня 1945 года на Красной площади в Москве.

Кокорин Анатолий Александрович 26 августа 1941 года удостоен звания Героя Советского Союза посмертно.

5 августа 1941 года подошедшая сводная рота 14-го мотострелкового полка вернуло безымянную высоту обратно, под контроль Советских войск и удерживало до 8 августа.

В тот же день, немцы взяли станцию Хийтола. Так завершилось, так называемое, «Великое Хийтольское Сражение», длившееся с 29 июня 1941 года. Обратно наши войска смогли вернуться только 26 сентября 1944 года.

В ходе этого сражения, потери Советской Армии составили 2000 человек. Потери финнов – 10 000 человек. Главный результат сражения – 26 тысяч эвакуированных мирных жителей.